

Это еще что за «темные лучи»?.. «разве они бывают?» — спросит читатель, взглянув с недоумением на заглавие книги... Да, читатель, — они и в физике есть. Правда, долго считали, что из Солнца исходит только тот белый свет, с помощью которого мы все видим вокруг. Но вот его разложили призмой. Получился спектр, тот известный ряд полос — желтой, красной, синей, фиолетовой и т. д., — который мы наблюдаем в радуге, когда солнечный луч преломляется в каплях падающего дождя, или на стене комнаты, позади стеклянной призмы, поставленной на пути солнечного луча... Казалось — «все». Свет, представлявшийся нам «белым», состоит из семи цветов. Но прошло и это время... За одним «казалось» выступило другое «кажется». Когда за границу крайней фиолетовой полоски спектра начали ставить разные растворы, то увидели, что они подвергаются сильнейшему действию «чего-то», что уже не было ни светом, ни цветом.

Это — темные лучи Солнца, бесцветные, бесцветные... Приводящие в движение химические вещества, соединяющие одни из них, разделяющие другие; убивающие жизнь, возбуждающие жизнь. Они также стремятся линейно, как всякий луч, и вообще суть подлинные лучи: но не света, действующие на глаз, а какие-то другие... и всего скорее — это лучи просто энергии, силы... Они есть, — и здесь мы могли бы кончить объяснение с читателем, насколько он недоумевает о заглавии книги. Но хочется продолжить.

От того великого Солнца, духовного Солнца, которое взошло над человечеством 2000 лет назад, — также несутся снопы света, «при помощи которого мы все видим вот уже 2000 лет»... И вообще всегда считали этот свет «простым и белым»... Но разложение его уже давно началось. Все давно догадываются, что он не так прост, как кажется. Монастыри, — что такое они, как не грусть, как не уединение человека от человека? Откуда это, если свет совершенно «бел и прост»? Грусть человека... печаль человека: всякий почувствует, что едва мы произнесли это, как назвали главное христианское чувство, без которого нет его, нет без этого чувства христианина. «Веселый христианин» — это такое же *contradictio in adjecto*[1 - противоречие в определении (лат.)], как «круглый квадрат». Вот загадка, или, лучше сказать, введение к загадкам...

Явно, что свет христианства вовсе не «простой и белый». Откуда же меланхолия? Откуда любовь к пустыне, к уединению? Откуда столп всего в нем, монастырь? Позвольте, разве есть христианин без таланта слез? «Боже, дай мне слезный дар» — молитва пустынь и людей пустыни, которые все разработали в христианстве, все утвердили в христианстве. До очевидности ясно, что свет, «при помощи которого мы все видим», вовсе не белый и уж в особенности не простой, а как-то окрашенный и необыкновенно сложный... До неисповедимости, до неисследимости...

Как окрашенный? И что вокруг этих лучей, дальше, — за ними? Природу великого Духовного Солнца мы можем сколько-нибудь постигнуть, перейдя от трюизма о его свете — «простой и белый» — к исследованию невидимых частей христианского спектра. В тайне слез христианских содержится главная тайна христианского действия на мир: ими преобразовало оно историю. Не бичами, не кострами, не тюрьмами: все это — бессилие тех, кто не умел плакать. Инквизиция — конец христианства, тюрьма — ниспровержение его. Нет, не здесь его центр.

Центр — прекрасное плачущее лицо.

«Nos victor eris» — «сим ты будешь побеждать».

Западное христианство, которое боролось, усиливалось, наводило на человечество «прогресс», устраивало жизнь человеческую на земле, — прошло совершенно мимо главного Христова. Оно взяло слова Его, но не заметило Лица Его[2 - Любимое католическое изображение Христа как измученного борца, по лицу и телу которого текут капли и струйки крови, — непонятно Востоку, недопустимо на Востоке, отвратительно для Востока.]. Востоку одному дано было уловить Лицо Христа... И Восток увидел, что Лицо это — бесконечной красоты и бесконечной грусти. Взглянув на Него, Восток уже навсегда потерял способность по-настоящему, по-земному радоваться, попросту — быть веселым; даже только спокойным и ровным. Он разбил вдребезги прежние игрушки, земные недалекие удовольствия, — и пошел, плача, но и восторгаясь, по линии этого темного, не видного никому луча, к великому источнику «своего Света!»...

...«мой свет!» ...«родной наш Свет».

Только с русским народом, с русским пустынником Христос «уроднился»: на Западе же Его лишь «знают». Разница большая. Да, русский народ в печали: но эта печаль до того ему сладка, до того ему родна, что ее он не променяет ни на какие веселости...

Пробовали (и пробуют) соединить христианство с социализмом: нет большей противоположности! Социализм — весь в крепкой уверенности о земле. Христианство же есть полная безнадежность о всем земном! Социализм — хлеб, евангелие — бесхлебно. Социализм — день, когда все предметы имеют точные свои размеры и точный свой вид; христианство же все — ночь («се Жених грядет в полнощи»), когда предметы искажены, призрачны, не видны в реальных очертаниях, и зато приобретают громадные фантастические формы. Без мечты и сновидения и без присутствия в человеке сновидящих способностей — христианства не было бы, и оно было бы невозможно. Оно все зиждется на не-реальном, сверх-реальном в человеке: отнимите его — и христианства нет!

Социализм же весь борется против этого сверхреального: оперировать его у человека — суть его! Как же они слились бы, соединились? Говорить это можно было только до обращения внимания на «темные лучи» в христианстве, которые лежат позади «видимого спектра его»; пока думалось, что так как «христианство есть белый простой свет» благо-желательности к человеку, и социализм также есть «белый простой свет» благо-деятельности, то отчего же бы им и не «совпасть»? «Оба желают добра человеку»...

Да.

Но социализм хочет сытого человека — у которого труд и сон без сновидений.

Христианство прежде всего хочет сновидений; оно хочет плачущего человека, любящего свою печаль.

Разница — в корне вещей, и — неизмеримая.

Книга эта печаталась в течение более чем трех лет; и уже два года назад, в ответ на запросы читателей, когда же появится обещанное в предисловии к книге «Около церковных стен» — другое и более глубокое исследование христианской религии, — я через письмо в редакцию «Нов. Времени» уведомил, что эта книга выйдет в непродолжительном времени. Однако подбор к ней матерьяла занял много времени: надо было взвешивать и выверять не только слова, то и тон каждой страницы. Кстати: на обертке, где хранился этот матерьял, стояла моя пометка для памяти: «После арифметики». В уме я держал: «Около церковных стен — это арифметика; это — то простое и ясное в христианстве, тот белый луч прямой благожелательности, какой все видят в нем до встречи с обстоятельствами, играющими в отношении его роль разлагающей призмы». Призма разделяет его на два цвета: белое христианство — символизируемое белыми ризами духовенства (во время церковной службы), белым духовенством — семейным и не отделенным от мира, и множеством других более мелких явлений; и второй цвет, который по цвету монашеских одежд, его символизирующих, — можно назвать темным, черным христианством. «Черное духовенство», «монашество» — к этому привык наш слух. Наконец, и это в особенности важно: среди черного духовенства встречаются лица до того жизнерадостного и веселого, я бы сказал — светлого и легкого (не в дурном смысле) настроения, — что при встрече хочется обняться с ними.

Достоевский в старце Зосиме дал великий, идеальный его образец. Он очень многих увлек, и «для пользы дела» можно согласиться с тем, что старец Зосима выражает суть христианства. Но на самом деле, конечно, это не так: он выражает до-христианский, первоначальный натурализм, то «поклонение природе», «поклонение всему» (пантеизм), с проклятия чего начало христианство, что «срубить до корня» уже пришел Иоанн Креститель. Нет строя души, более противоположного христианству, чем душевный покой и душевная светлость Зосимы, исключаящие нужду во Христе... Зачем Христу приходиться, если все радуется на земле, все счастливо, безмятежно, прекрасно «само собой»... Нет, Достоевский тут просто ничего не понял; «бе в языческой тьме». У него только фразеология, только «причитания» христианские... Не Зосимы, вовсе не Зосимы победили древний мир. Победили его другие. Кто? Плакавшие о мире, а не улыбавшиеся в мире. И среди белого духовенства, священников, наконец, даже среди мирян — встречается совершенно другой тон христианства, уже не «отпускающий ближнему так скоро вину его». Совсем другой тон, о, до чего другой...

Исследованию-то этого «другого тона» и посвящена моя настоящая книга. Она вся движется в невидимом, мало осязаемом. Я называл ее мысленно отделом «после арифметики» — «логарифмами» христианства. Но теперь мне приходит на ум лучшее название. Лейбниц и Ньютон открыли в математике «бесконечно малые», «текущие» (изменчивые) величины, «флюксии» (термин Ньютона)... Вот это имя вполне подходит к настоящей книге, выражает все ее существо, ее мысль и тему. Каким образом христианство, столь к человеку благожелательное, однако пришло к инквизиции? Явно, что здесь скрыта цепь «флюксии», «переменных бесконечно малых величин», «дифференциалов»: ибо ведь перелома из «да» в «нет», перелома в убеждениях, в вере, в идеалах мы при этом нигде не наблюдаем! В этом-то все и дело, что разлома нет!! Нельзя сказать, исторически не было, чтобы католики 1000 лет «гладили по голове», — но потом «начали жечь: и вот тогда произошла реформация»!! Ничего подобного!!! Никакого перелома, реформации; бури: тихое веяние... Веет, веет, гладит волосы, сладко, съедобно, веет, опять веет, горечь, опять сладко, еще слаще, веет, веет, чей-то раздался стон, но все замерло, веет, веет, выпали гвоздики, выпали иголки, кого-то укололи, смертельно, веет, веет, хорошо ли, дурно ли, все мешается, все непонятно уже, веет, веет...

Так до нашего времени.

Инквизиция вошла в Церковь «дифференциалами», а не простым «делением, умножением», не арифметическими действиями. Если бы она пришла «делением», произошла бы реформация: и тогда никакого вопроса не было бы, незачем было бы писать этой книги. Но... никто не заметил ее (инквизиции)!!! Когда те пять-шесть кардиналов, которые постановили «сжечь» и действительно «сожгли» кого-то, — то никому решительно не пришло на ум спросить, не «впали ли они в ересь»? «не отделиться ли нам от них»? Отделились бы — была бы «арифметика», никакого вопроса не было бы. Но в том и суть, что никто от них не отделился, и они сами считали и чувствовали себя со всеми слитыми — соединенными со всем христианским миром, верными ему, служителями его... Т; е. в кардиналов вошли некоторые «флюксии», темные незаметные лучи подлинно христианства же, но обычно незаметные, да и... зачем замечать? Заметит тот, «до кого дойдет очередь»... Бьются в спорах в наше время, например, протоиерей Светлов из Киева, профессор университета и «все знающий» (в богословии), и тоже «все знающий в богословии» архиеп. Антоний Волынский: но арх. Антоний — «с флюксиями», а прот. Светлов — без флюксий. Архиеп. Антоний знает, вернее — ощущает больший объем христианства, он знает и то, что за «светлыми белыми лучами», а от прот. Светлова это совершенно скрыто. Но вот тайна истории: архиеп. Антоний одолевает Светлова, исторически одолевает, магически одолевает, волшебным одолевает. Мы говорим — «рок», «судьба», «fatum»... Способностей у одного не больше, чем у другого, таланта — не больше. Но Светлов — рациональный человек («белый луч»), а арх. Антоний — иррациональный, т. е. его положение иррационально, и он вправе воскликнуть: «Бог за меня! Христос со мною».

В этом все дело: с которым из них Христос? «Оба такие христиане»... Да, обоим христиане: а так ненавидят один другого... «Не мир принес Я на землю, нет! но — разделение».

Приведенное изречение — типично «флюксивная», «дифференциальная», «логарифмическая» строка в книге, положившей основание всему. При обычном «гладком» и «ровном изложении», при изложении «для всех», строки эти, и вообще все до «высшего анализа» относящиеся строки — пропускаются, и излагаются только одни «арифметические истины»: «раздай ты имущество», «пусть он на тебя не сердится», «помирись вы оба» и т. д. Но «флюксивные истины» тоже не забываются и излагаются при специальных случаях, «когда есть нужда». Напр., нужно, чтобы люди приучились к любящей покорности, чтобы они жили не по своей воле: тогда выступает флюксивная строка: «Вот — все, что вы (некоторые избранные, «малое стадо» духовных правителей) на земле свяжете — будет связано на небесах».

Настоящая книга зарывается именно в христианские «флюксии» — «текущие малые величины», пошедшие от Источника нашего Света. Она исследует только тонкое, незаметное, бесцветное, безвидное, бездокументальное. Исследует как бы «вкусы» и «запахи», а не куски, части и члены тела (арифметика). Читатель, перевертывая ее страницы, будет долго чувствовать, что как будто он читает уже все старое и ему известное: это — впечатление от тех «кусков массивных», мимо которых он будет проводиться (арифметика); на самом же деле с первой уже страницы книги он будет читать все совершенно для себя новое, так как самые куски придвинуты к нему только ради «запаха» и для «вдыханий». Суть книги этой... в некотором безмолвии (как ни странно сказать). И ее полная понятость читателем будет

заклучаться в безмолвном же согласии со мною: если он оцутит те «темные лучи», тайный ожог которых я чувствую и многие чувствовали... но никогда никто не понимал.

В. Р.

С.-Петербург, 17 ноября 1909 г.

Примечания

1 противоречие в определении (лат.).

2 Любимое католическое изображение Христа как измученного борца, по лицу и телу которого текут капли и струйки крови, — непонятно Востоку, недопустимо на Востоке, отвратительно для Востока.